

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Л 173

Составитель серии Иар Эльтеррус

Художественное оформление серии К. Прокофьева
Обложка В. Ненова

Лазаренко И.

Л 173 Невыносимые. До порога чужих миров — М.: ИД «Флюид Фри-Флай», 2019. — 432 с.

Появление магистра магии в деревне стоило жизни одному из четырех друзей. Оставшимся пришлось забыть о привычных стычках за право жить, как хочется, и уйти в долгий поход, в надежде понять, что и почему произошло на самом деле. Трем друзьям довелось пройти по краю,циальному добрых и злых духов, собственной и чуждой магии, зубастой нечисти, людей и нелюдей. Иногда это было весело, иногда — непонятно, а еще — страшно и смертельно опасно без всяких «почти». Но вместе с ответом они нашли новые вопросы и даже частицу самих себя. И никто не предупредил, что будет именно так. Но ведь тем интереснее...

ISBN 978-5-906827-13-5

© Ирина Лазаренко, 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

КНИГА 1.
ДО ПОРОГА
ЧУЖИХ МИРОВ

Путь долга редко бывает простым, но только он может дать человеку понятную, ощутимую цель, а вместе с целью он дарует уверенность, твердую почву под ногами и смысл всего существования.

Предания, следоуказательный текст

Да нам просто страшно идти по дороге мечты!
Прописка на полях в одном из экземпляров

Пролог

Ташя обхватила ладонями чашку и скучно протянула:

— Я умру.

Орим, ее отец, поморщился. Вот же заладила: «умру» да «умру», говорит одним и тем же тусклым голосом, смотрит в стенку — и не понять: всерьез ли она помирать собралась, чувт ли что-то по-своему, по-магически, или же просто треплется, тетешкая свою грусть и страшную вину.

— Прекрати мне это, — велел Орим и подвинул к дочери кувшин с отваром. — Мелешь дурное дурным языком, да еще на ночь глядя!

Кувшин Ташя взяла, налила отвара в чашку, чуть расплескав на стол.

— Да что ты косорукая такая, Ташка! — тут же взвился на стенной полке хатник. — А еще магичка!

Хатник Ташю невзлюбил три года назад: тогда она никак не могла вырваться из своей Магической Школы к заболевшей матери, а когда наконец справилась со всеми очень важными маговскими делами и доплюхала до родного поселка — хозяйку дома уже похоронили.

— Я умру, — повторила Ташуя, и не услышав, верно, хатника. — Это правильно, это честно. Я убила всех своих друзей. Пусть я теперь умру тоже.

— Убила, убила, — едко подтвердил со своей полки хатник и громыхнул мисками. — Потому как косорукая, и еще магичка!

Ташуя поднялась из-за стола, придерживая живот. Малорослая, хрупкая, она носила его с изрядным трудом, спина у нее часто болела, лодыжки были налитые, страшные.

— Вы дитя берегите. Оно важно.

— Всяко поважней тебя, — пробурчал хатник.

Орим на это рявкнул, и хатник понял, что хватил лишку, спешно скрылся среди мисок. Ташуя медленно, как спящая, подошла к печке, взяла тряпичку, вернулась и протерла стол.

— Очень важно, — повторила глухим, сонным голосом. — Не только для вас. Для всех. Я не знаю, почему.

Орим покачал головой. Не знал он, что можно ответить на такое. Дочь после возвращения как подменили, он это и понимал, и не понимал одновременно, ему казалось, что стоит за этим изменением что-то посложнее чувств вины и утраты, что рассудок покинул Ташую и лишь его тень пока позволяет ей двигаться, говорить, дышать. Дочь пугала его, он не знал, как подступиться к ней, как утешить и ободрить — да и не был уверен, что за лицом дочери, единственным родным лицом во всем мире и Мирах, осталось еще хоть что-то, способное откликнуться на слова утешения и ободрения. На любые слова.

Через десять дней, в середине месяца завязня, Ташуя умерла в родах, и Орим остался на свете почти совсем

один. Если, конечно, не считать ворчуна хатника и внучки.

Младенец, вопреки опасениям Орима, не попытался помереть следом за матерью и вообще причинял довольно мало хлопот — всяко меньше, чем Ташуя в свое время. Ребенок много спал, сосредоточенно ел, мало плакал, пытливо смотрел на мир вокруг себя не по-детски тревожными и совершенно черными глазами.

Для девочки долго не находилось имени — месяца полтора, и хатник очень тревожился, что из-за этого не может развесить вокруг колыбели самолично навязанных обережных куколок. Но как-то утром, когда не помладенчески черные глаза, в которых не было видно зрачков, уставились на Орима неожиданно осмысленным и немного пугающим взглядом, он хлопнул себя по лбу:

— Алера! Тебя зовут Алера! Отчего ж я сразу не понял, а?

— Боевая девка будет, — радостно приговаривал хатник, развешивая у колыбели обережных куколок. — Бедовая и толковая! Только б не магичка, а, старик? Скажи! Только б не магичка! Одни беды этому дому от них!

Орим по привычке ворчал и огрызался в ответ, но не прогонял суетливого хатника и заткнуться не велел, потому как было в его словах много правды, и Ориму самому бы не хотелось, чтобы у внучки оказались магические задатки. Но выяснится это лет через десять, а то и через все пятнадцать.

Можно было бы сказать, что волновались они совершенно напрасно: у Алеры не было ни малейших способностей к магии. Но для волнений оказалось

Ирина Лазаренко

предостаточно и других причин, причем чем дальше — тем больше. И если младенцем она приносила деду одну лишь радость, то от взрослой внучки голова у него болела так, что никакими словами передать невозможно.

Глава 1

Верен и его друзья караулили Алеру сразу за порталом, в зарослях неведомых Ортаю разлапистых растений.

Далеко от тропинки Алеру не убегала, если уходила в сторону, то ненадолго. То и дело присаживалась, окончательно пропадая из виду, один раз чем-то поскрежетала. Схованка там у нее, что ли? Хорошо бы так! Очень хорошо бы!

Тroe парней недовольно ворчали всякий раз, когда черноволосая макушка пропадала из вида. И чего девку понесло именно в этот Мир, сплошь заросший зеленью, с гудящим от насекомых воздухом, влажным и тяжелым! Тут целый отряд упустить из поля зрения немудрено, не то что одну Алеру! И что эти чокнутые потеряли в Мирах, кто бы знал!

Клейкой сладостью несло от больших светло-желтых цветов, летали туда-сюда пчелы, солнце висело прямо напротив кустов, заставляя щуриться.

— Вот была бы она рыжей, а не черной, — шипел Турак, отирая слезящиеся глаза. — Или повыше хотя бы. Глаза ж поломаешь. Тыфу.

— И еще не помешало б ей поварешкой о кастрюлю колотить на ходу, — усмехнулся Веррен.

Самим отходить от портала было боязно: Мир неоженный, непривычный, наполненный ползуче-летучей дрянью. В таких Мирах никогда не знаешь, что за мерзость прячется в высокой траве, какая пакость упадет с ветки тебе за шиворот, кто ужалит тебя так, что два дня от боли спать не сможешь.

Алера, видно, тоже раньше тут не была, хотя, кажется, не существовало в этой части Ортая Миров, которые она и ее друзья не исходили бы вдоль и поперек. Но, если место ей знакомое, зачем крутиться рядом с порталом? Однако клинки она не доставала и по сторонам не оглядывалась, как будто вовсе ничего не остерегалась, и даже на пчел не оборачивалась, хотя от их гула аж воздух поплотнел.

С оберегом от летучей пакости пришла, что ли? Так ведь знать надо, в каком Мире от чего опасности больше, с собою ж только один оберег можно взять...

— По-моему, она не впервые тут, — подал голос Кийяк.

— Тогда бы вперед пошла, — буркнул Веррен, — только пятки бы сверкали. Какой толк у портала топтаться, если место знаешь? Чем дальше в Мир — тем толще кошель.

Кийяк поморщился, услышав поговорку, известную каждому новичку. Сами они были не любители изучать Мирсы: опасно, долго, трудно, а на целебные припарки потом потратишь больше, чем выручишь с первых заходов. Каждая обитающая здесь тварь, от тупых ящеров до почти разумных магонов, норовила попортить настроение и самочувствие незваным гостям, и, хотя

по-настоящему умереть в Мирах было невозможно, неосторожные путешественники доставляли потом лекарям изрядно хлопот.

Но Веррен и его друзья считали, что только слабоголовые люди будут класть на изучение каждого Мира месяцы времени и ковшики крови. Куда проще и безопасней отлавливать одиночек прямо у порталов да отбирать найденное. И быстрее, конечно.

— А вы слыхали про призрачного пса, что охраняет границу Эллора? — спросил вдруг Кийяк. Никто не ответил, но он все равно пояснил: — Говорят, кто его увидит, скоро умрет, и душа его не полетит к Божине, а будет вместе с псом охранять граничный предел.

Веррен фыркнул.

— Да что ж она мелкая такая, — снова принялся ворчать Турак, опять потеряв Алера из виду. — Ныряет в те заросли, словно змея. Быть бы ей повыше, вот ну хоть чуток бы!

— Цыц, — сердито велел Веррен.

Болтовня приятелей сердила его, и без нее было не по себе, тревожно и чуточку стыдно, хотя виду он и старался не подавать.

Они ведь никогда прежде не совались к Алере и, быть может, правильно делали. Кийяк, к примеру, прямо говорил, что последовать за ней было глупостью, которая еще вылезет им боком, а потом другим боком, а потом еще и ухом: Алера-то в Мирах не первый год, а мечей у нее целых два, и машет ими она лучшие любого из них.

Да и вообще у сельчан было настороженное отношение к Алере. Слишком она другая, не похожая на нормальную девку. Была бы нормальной — не носилась бы по

Мирам с парнями в друзьях да при мечах на поясе. А еще наглая она сверх всего, что можно придумать, и никто ей за эту наглость не может настучать по мордасам, потому как... Ну, потому как боязно! И клинки у нее, и уверенность какая-то запредельная, и глазища жуткие, временами как зыркнет — не смотрит, а наизнанку тебя выворачивает! Иди знай, что Ташуя углядела в не рожденной еще дочери, если даже не попыталась спасти себя, лишь бы выжила эта девка. А получилась-то она и впрямь непростая!

До сих пор Алера никаких значительных вещей не совершила и, если так подумать, не выделялась из прочих жителей Лирмы ничем сверх того, о чем уже было сказано, но кто ее, заразу, знает — вдруг прямо сей вздох и начнет?

И еще — умению обращаться с мечами всех мужчин поселка учил именно Орим, и теперь вот переть с этими самыми мечами на его же внучку было как-то неудобно.

— А вы знаете, что эллорцы не хоронят померших? — нарушил молчание Кийяк. — Их жгут, а пепел жрут. А если эллорского мертвяка не сжечь, он через три дня обернется мертвягой.

— Цыц, — буркнул Веррен.

Ну вот почему его потащило за Алерой, когда в поселке — целые стаи молодняка, зеленого и непуганого?

Он не объяснял друзьям, почему, да и себе, пожалуй, не объяснял тоже. Быть может, ему просто хотелось посмотреть, что будет, и увериться, что не будет ничего. Как змею потыкать палочкой и убедиться, что она предпочтет уползти, а бросаться на тебя вовсе даже не станет, хотя до этого шипела изо всех своих змеиных сил.

А вообще-то, не успел он ничего хорошенько обдумать. Просто случился вдруг такой подарок — она прошла к порталу одна, а не окруженнная толпой своих друзей, как обычно бывает. Ну разве можно было устоять, не проследить за ней?

— Возвращается, — сказал Веррен, хотя все и так это увидели.

Алера шла к порталу быстро, бросая полные досады взгляды на солнце: задержалась все-таки. Да еще в голове от пчелиного гудения что-то начинало стучать и ухать, как будто улей промеж ушей застрял. И что тем пчелам не сидится где-нибудь в дуплах по такой жаре?

Выползшие на тропу побеги растений мягко пружинили под ногами и тут же распрямлялись вновь. Да и не тропа это, а название одно — просто трава на ней не до колена достает, а чуть пониже. Хорошо, в этом Мире нет змей! Им бы в самый раз было прятаться в густой траве и хватать незадачливых путешественников за пятки!

Алера была в каких-нибудь пяти шагах от портала и уже перехватила котомку поудобнее, приготовившись прыгнуть, когда из раскидистых кустов выбралась троица парней и решительно перегородила подход к бледно-зеленому свечению на земле.

Парни были как на подбор: высокие, широкоплечие, коротко стриженые — словно братья-близнецы. У всех упрямо выдвинуты челюсти, у всех — глубоко сидящие глаза, темные и беспокойные, носы-картошки и щетина на щеках. Знакомая компания! Но не сказать, чтобы приятная, да и мечи в руках оставляли мало надежды считать, что парни просто мимо проходили.

Да и не торчали бы они у портала, если б не проследили прыжка.

Веррен поморщился, когда два клинка словно сами собой прыгнули в руки Алеры. Хорошие были клинки: не то длинные ножи, не то короткие мечи, неширокие, обоюдоострые и слегка изогнутые. Лезвия с виду остры до неправдоподобия. Дол почти во всю длину клинков, гарда необычная, широкая и полукружная. Легкие клинки, наверное, и в руках удобно лежат. Возникли неуловимо — словно кошка когти выпустила да смотрит теперь: махнуть тебе размашисто по глазам или сделать вид, что просто размяться решила, потянуться да спрятать когти?

Смотрела Алера именно так. Глаза у девчонки были большие, черные, но похожие на кошачьи — ленивой наглостью, насмешливостью. И усмехалась она недобро, уголком рта, совсем как дед ее усмехался, бывало. Так-то Алера, конечно, красивая: глазища черные, круглые, кожа светлая и темные веснушки на лице — необычные, крупные, как будто их нарисовали на носу и щеках, а вот только рот у нее — дедовский, большой, тонкогубый и бледный, ну чисто лягушачий. Таким ртом усмехаться можно только недобро и мерзостно, а больше никак.

— Ну и? — спросила Алера вкрадчиво.

— Выворачивай котомку! — неожиданно громко рявкнул Веррен и покрепче сжал рукоять собственного меча.

Воспользоваться им вряд ли хватило бы решимости, но оружие придавало уверенности и весомости какой-то, что ли. На Алеру Веррен глядел сверху вниз, шире был гораздо, а то, что он стоит тут не один, а с друзьями, придавало всем троим решительной наглости.

Ну а как иначе? Что там этой девчонки, тьфу, одной рукой подхватить можно и под мышкой в поселок унести!.. Если перед тем оглушить и связать, конечно, а то

она, пожалуй, вывернется, как змеюка подколодная, выдаст хорошего леща и сама тебя пинками в Лирму погонит, чтоб сельскому голове сдать для воспитательной порки. Или на месте шею свернет да прикопает в овражке, чтоб неповадно было.

Потому как наглая она сверх всяческой меры, вот что.

Алера легонько качнула мечом в сторону Веррена, он отшатнулся, но тут же шагнул вперед, выругался. Девушка усмехнулась:

— Вы что, головами вперед в портал попрыгали и разум лишились?

— Не твоя о том печаль, — буркнул Турак. — Сама-то зачем сюда прилепала?

Алера дернула плечом:

— Ну, скажем, за Кристаллами — не сложилось, правда. Зато повезло с топазами. Но их я вам тоже не отдам, вот такая неудача. Топать бы вам отсюда, право слово.

Турак фыркнул:

— У вас же Рань Кристаллами занимается. Да и он только-только начал, ничего у него еще не срастается... — Покосился на друзей и пояснил: — Я слыхал, как он Суджаму про шестигранники говорил. Да, так Рань-то камни отдал нам при случае, не стал кочевряжиться. А тебе они на кой сдались-то?

Алера широко улыбалась бледным лягушачьим ртом, а Веррен все больше подозревал, что где-то они с друзьями сваляли большого дурня.

— Рань обереги делает, Кристаллами просто балуется. А срачиваю их я. Лет пять уже срачиваю. Ты бы спросил у Суджама, прежде чем смелостью своей трясти, тут ведь нет тайны. Турак, Веррен... вы почему тупые-то такие, а?

Турак медленно покрывался холодным потом под ржавой кольчужкой, которую упорно таскал в Миры несмотря на усмешки приятелей. Ему совсем не хотелось на собственной шкуре узнать, какие сюрпризы могут преподнести клинки Алеры и что на самом деле представляет собой ее простецкая потертая жилетка из телячьей кожи.

Кийяк попытился и пробормотал про бдыщевую матери, к которой вся затея может проваливать, но опустить клинок под тяжелым взглядом Веррена все же не решился.

— Ну и что? — спросила Алера, наблюдавшая за парнями, чуть склонив голову. — Мечи в ножны — и по домам? Или вам копытами побить охота?

Веррен снова зыркнул на друзей и опять обернулся к Алере:

— По домам, только сперва ты котомку вывернешь. А то Кристаллы Кристаллами, но нас трое, а ты одна.

Девушка пару вздохов стояла, глядя на него невозможнно черными глазами, под взглядом которых мысли сбивались, костенели и словно оказывались, ну, выброшены наружу и разложены в рядочек на траве. Потом опустила клинки. Друзья выдохнули и подобрались, Турак и Кийяк выглядели удивленными и едва сдержали облегченные вздохи. Веррен мотнул головой, разгоняя дурное наваждение.

Что там этой девчонки, ну в самом-то деле!

— Да, — согласилась Алера и мягко ступила между ними. Парни мимовольно сделали по шагу назад. — Вас трое. А меня дед к ужину ждет. Не гоняться же за каждым по поляне, коза вас забодай?

Два клинка вскинулись и очертили по полкруга. Веррен схватился за горло и попытался что-то крикнуть, но не сумел, и удивился тому, какими мокрыми стали его пальцы, и как сильно земля ударила его в ухо, и как удачно, что его друзья тоже рухнули и не могут смеяться над ним и над тем, какой все-таки идиотской оказалась его затея.

— А на что вы рассчитывали? — хмыкнула Алера, переступила через ближайшее тело и шагнула в портал.

* * *

Запах жареного мяса заполнил оба этажа дома, а через открытое окно трапезной еще доносился вязкий и сладкий аромат агератума из палисадника. На улице пока держалась дневная летняя жара, а в доме было хорошо, прохладно.

О возвращении внучки возвестила хлопнувшая внизу дверь и топот ног по ступеням.

Постройку этого дома Орим закончил в тот год, когда Ташуе сравнялось пять лет; ступени ладились с тем умывалом, чтоб по ним удобно было ходить ребенку. Низкие, широкие, они со временем стали поскрипывать и покряхтывать, но держались крепко, и заменить лестницу рука не поднималась

К ужину Алера безнадежно опоздала. Когда она наконец появилась в трапезной, на ходу стряхивая с рук последние капли воды, Орим покачал головой, указал взглядом на стул и подвинул к ней большую миску.

Крупный, крепкий, невысокий, с виду он напоминал тяглового быка, но двигался с неуловимой легкостью

человека, с мечом в руках проводящего больше времени, чем безоружным. Если бы не сивая голова и глубокие морщины на лице — можно было бы подумать, что ему не семь десятков лет, а в два раза меньше.

— Я тебе не трактирщик, ясочка.

Хатник на стенной полке свирепо застучал ложкой о тарелку, но дед и внучка знали, что он тоже не в силах рассердиться на Алеру всерьез.

— Извините, — неубедительно покаялась она, усаживаясь на высокий стул с низкой спинкой.

Орим усмехнулся, притянул к себе казанок с кашей.

— Там что-то новое произошло в Мирах, а?

Спросил в шутку, но Аlera, сосредоточенно таскающая мясо в тарелку, подняла голову и картинно вытаращила глаза:

— Произошло. Вообще-то, там теперь творится целый разбой с грабежами. Представляешь?

Орим удивленно вскинул косматую бровь.

— Веррен с дружками, — пояснила внучка, оглядела стол в поисках новой добычи и потянулась к рубленой капусте: — Проследили на входе, поймали на выходе. Котомку им. Трутни трусливые.

На стенной полке грюкнуло, хатник затопотал по полу, вскарабкался на стол: комок шерсти размером с крысу, с человеческим лицом, голыми ступнями, длинными гибкими пальцами.

— Нападение? — выдохнул он и побежал прямо по столу к Алере.

Она, смеясь, отстранилась.

— Не полошись, Истри! Ничего мне не сделалось, да и сами идиоты живы.

— Живы? — переспросил дед. Пальцы у него чуточку дрожали. — Отчего бы им не быть живыми-то?

— Не отчего, — проворчала внучка, скривилась. — Что им сделается в Мире? Очухаются — вернутся. Ну, горлышки поболят немного.

Орим помолчал, чуть покачивая в ладонях кружку с отваром. Переглянулся с хатником. Надо же, надо же! Веррен и его дружки, вот же хвосты конские, а! Он разве для того обучал их мечному бою, чтобы они на Алеру с мечами поперли? Добра, значит, не помнят, науки не ценят! И еще — просто балбесы никчемные, потому как даже не подумали, что свою внучку-то он, Орим, выучил лучше, чем кого угодно другого — потому как времени ей уделял больше!

А она? На людей с мечами! Когда такое видано было, а? И оно-то понятно, что не первая полезла, а на свою защиту встала, и понятно, что не убила насмерть, коли за порталом было дело, но ведь она не встревожена, не смущена, аппетит не потеряла! Как будто перерезать горло человеку — все одно, что курице!

Это он, Орим, старый наемник, может так считать, а она, девчонка, — нет!

— Ясочка, ты почему была одна? — вдруг спросил он. Алера пожала плечами:

— От скуки забежала, ненадолго, ну я думала, что не-надолго. Тоска меня разбрала что-то. Делать нечего. Элай и Рань уже сколько дней как в Эллор уехали, а Тахар с утра занят, варит какое-то жуткое зелье. Вчера мы с ним на болото таскались, ему жабы спинки нужны были. Жабы спинки, представляешь? Можно подумать, он не маг из приличной семьи, а какая-то колдуны из жутенькой

сказки. И он еще обещал, что если буду над спинками шутить — в другой раз попросит ему помочь добыть чего похуже. Я вот и думаю теперь: чем он вообще занимается, когда мы его не видим, а? Из чего он эти зелья варит на самом-то деле? Может, зря мы их пьем, как думаешь? Если жабы спинки — не самое страшное...

— А эти двое, значит, в Эллоре, — повторил Орим, покачивая в ладонях кружку. — Снова. Третий раз, с весны считая, да?

— Да, дед. Если ты вдруг раньше не приметил — они эльфы.

Орим вздохнул.

— Ты, ясочка, знаешь что? Не удивляйся, если придет такой день, когда они не вернутся.

Алера вскинула брови, ожидая продолжения неудачной шутки. Орим насупился и решительно рубанул:

— Не в этом, так в будущем году — не вернутся. Или приедут, но не к вам, не к тебе, не к Тахару. Другими делами-заботами будут заняты. Понимаешь?

Алера покачала головой, во все глаза глядя на деда. Шутят Орим или нет, но говорит он нечто странное. Конечно.

Они четверо были неразлучны с десяти лет, с тех пор, как Орим начал учить их биться на мечах и топорах. Уметь это должны были все мужчины Ортая: никогда не знаешь, от какой напасти придется обороняться завтра — места-то северные, до границы в Гижуком не так далеко. И хоть с единственной войны между Ортаем и орками минуло шестьдесят лет, а ухо востро держать лишним не будет. А уж в Мирахто умение обращаться с мечом всегда пригодится, так пригодится, что без него и лезть за порталы нечего.

Внучку же Орим воспитывал как умел. Это означало, что от мальчишек она отличалась разве что с виду.

В том же возрасте, в десять лет, дети начинали учиться другим премудростям: письму, чтению, травоведению и прочим необходимым вещам. Некоторые семьи, где едоков было больше, чем рабочих рук, отказывались освобождать детей на целое утро ради какого-то там обучения, а некоторые люди и вовсе говорили, что их детям незачем учиться чему-либо сверх того, что требуется для ведения собственного небольшого хозяйства. Но в общем безграмотность считалась стыдной, почти как безудержное пьянство, потому большинство детей с десяти лет до пятнадцати все-таки ходили на занятия в божемольни. Учили их жрецы, самые грамотные и умные люди, несущие просвещение и успокоение: обучением детей, проведением обрядов, донесением слова Божини.

Алера, Тахар, Элай и Рань вместе учились, вместе росли, вместе совершили свой первый прыжок в Мир пять лет назад. Орим тогда обкусал себе ногти до крови, вытоптал травы на полперехода вокруг портала и проклял всех магонов разведенных и неразведенных Миров вместе с предками, потомками, жильем и утварью.

Из своего первого Мира друзья вышли полдня спустя. И еще полдня потом проспали. С тех пор Миры стали самой важной частью их жизни.

Убедить Алеру, будто ее друзья могут всерьез заниматься чем-то, не связывающим их друг с другом, едва ли было возможно. Орим это понимал, пожалуй. Внучке легче будет поверить, что родной дом, знакомый до последней скрипучей ступени, завтра рухнет, и теперь нужно

вить гнездо в лесу. Или что воздух отменяется и следует немедля разучиться дышать.

Но пусть хотя бы мысль допустит, что не приколочены они четверо друг к дружке. Для нее это осознать будет непросто, наверное. Не потому, что Алера глупая, а потому что слишком привычны друг другу.

Растерянность, испуг в ее глазах хлестнули Орима племью, и он на вздох смешался.

— Чего ты ребенка пугаешь-то? Злой ты стал нешто в старости? — забубнил хатник. — Она ж ничего такого, она ж дите еще малое...

Орим отвел взгляд, махнул рукой, отпил большой глоток из кружки. Хорошенькое дите, в Лирме такие «дети» уже, бывает, своих малышей нянчат! Эх, и что бы ей не найти себе мужа, не нарожать Ориму правнуков, то-то он бы обрадовался! И снова ощущил себя при деле, а то...

Выросла внучка, давно уже выросла, как бы ни хотелось Ориму и хатнику дальше считать ее дитем... Ну да, она выросла, и трудности выросли тоже! Мечами вот махать дед ее научил, а всякие там переживания... не понимает он в этом ничего. Может только гадать, насколько ей дороги друзья детства и... во что могла перерасти эта дружба за последние годы.

Взрослые они уже совсем, хоть и носятся по Мирам до сих пор.

Совсем. Уже. Взрослые.

— Ясочка, — заговорил наконец Орим, глядя в свою кружку, — если тебе, к примеру, по сердцу Рань...

Алера поперхнулась и закашлялась.

— Или Элай, — безнадежно продолжал дед, про себя подумав: «Не приведи ж Божиня!», — так ты даже не думай. Эльфы на людях не женятся, ясно? И, я так мыслю, не зря они в Эллор зачастили, прежде-то раза два в год выбирались? А теперь вот — видишь, как.

Алеру потерла лоб, хлебнула воды из глиняного кувшина и совершенно спокойным, ровным голосом спросила.

— Ты думаешь, их к эльфийкам на смотрины зазывают?

— И давно пора, — брякнул Орим и одним глотком допил отвар. Поставил кружку на стол, поглядел на внучку сердито, подумал. — Выросли вы, Алеру. Погодки ваши уже сколько времени в Миры не ходят, а? Вам-то самим, может, и дела нет, а только вокруг вас жизнь идет, и участие в ней принимать нужда есть, и чем дальше — тем полнее.

Алеру рассеянно смотрела сквозь деда, сжимая в ладонях кружку.

— Не может быть правильным какое-то там участие, если мы будем не все вместе, понятно? Как это может быть правильно? Так не пойдет, дед. Не могут какие-то там эльфийки порушить все... все, что столько лет нарастало, ясно?!

— Вообще-то, могут, дите, — неожиданно влез хатник, и Орим посмотрел на него с благодарностью.

Право слово, он чувствовал себя так, словно не ужинал вместе с любимой внучкой, а рубил железные деревья на дровишки. И еще, кажется, похожий взгляд он видел когда-то у Ташуи, но дочь смотрела более растерянно и жалобно, в ее глазах лишь проскальзывало жесткое: не допустить, избежать, отсечь! А уж в черных глазах Алеры эта решимость плескалась и выхлестывала за край.

— Тогда, возможно, мне придется просто убить всех эльфиек, — сказала она наконец и снова принялась жевать мясо.

Орим брякнул кружкой по столу и припечатал:

— Вы не будете вместе всегда. День вам остался, месяц или год — а придется разойтись, пойти каждому по своим дорогам. Так должно быть! Так всегда бывает! Понимаешь меня?

Алерা подняла голову, и взгляд ее снова будто хлестнул Орима.

— Нет.

* * *

Тахар никогда не понимал страсти Алеры к Кристаллам. Ему, магу-самоучке, ближе были Карты. Над ними Тахар готов был просиживать дни, разбирая рисунки, вникая в смысл, пытаясь воссоздать заклинания.

Особо нового Карты не несли ничего — но даже один измененный слог мог дать дополнительные свойства или усилить заклинание. И самой увлекательной историей для Тахара была тайна новой Карты — словно открывались пути к нехоженым местам, играли новыми гранями знакомые предметы.

Наверное, Алерा чувствует нечто подобное, работая с Кристаллами.

Для Тахара и Элай Кристаллы были лишь маленькими полезными вещицами, они не испытывали трепета ни перед чем, связанным с Мирами, и не видели в них каких-то особенных тайн. Элай ходил туда только для развлечения, ну и потренироваться лишний раз в стрельбе из

лука. Рань пытался мудрить с Кристаллами, но без всяко-го успеха, что его жутко злило, да еще ему не раз дове-лось получать от Алеры по рукам за попытки утаить круп-ные и редкие камни.

Она поначалу объясняла, потом ворчала, затем нача-ла сердиться всерьез — в общем, в последний год все ча-ще в Миры выбирались втроем, пока Рань был занят в куз-нице. И тогда стало удобнее и спокойней — всем, кроме Раня, конечно, хотя тот виду не подавал. А может, тоже предпочитал бегать по Мирам один: тогда ведь никто не скажет, что он утаил Кристаллы: один пошел, один на-шел — кто-то против?

Тахар бросил в котелок щепоть порошка и доволь-но хмыкнул. Зелье удалось на славу, травнику в Киларе его можно будет продать не меньше, чем по серебруш-ке за пузырек.

Маг потянулся, ощущая, как ноет тело, — вот ведь ерунда, вроде не скакал и не прыгал, а вымотался — слов-но день за плугом шел, а не варево в котелке мешал.

В ставень стукнула ветка. Тахар зевнул и рассеянно запустил пальцы в светлые волосы. Подергал отросшие пряди, недовольно поморщился: укоротить пора бы. Это эльфы волосья до плеч отращивают, а ему неуютно, если они начинают лезть в глаза и касаться ушей... Эх, вот раз-лить бы зелье по пузырькам, да отправляться спать — день-то был не из легких, голова гудит, а мыслей в ней не осталось вот совсем ни одной!

Но ночью бегунчик вылезает — а как не предпринять еще одну бесплодную попытку поймать вредные побеги? Да и завтра в постели до полудня не провалаешься: дере-венский голова с утра созывает общее собрище.

Добро бы, что хорошее сообщил. Например...

На этот раз в ставень, похоже, ударило яблоко, только не было под окном ни яблонь, ни других деревьев, а были только кусты сирени.

Маг вскочил и кубарем ссыпался по лестнице.

* * *

Алера ждала у входа, и как только Тахар выскочил за порог, повисла у него на шее с невнятными всхлипами. Прыжок для этого понадобилось совершить немалый: маг изрядно превосходил ее ростом. От наскока Алеры Тахара шатнуло к двери и болезненно приложило спиной о доски.

Ничего не поняв, он обалдело обнял девушку, в сумерках попытался заглянуть ей в лицо:

— Аль, ты что? Что случилось? Дедушка заболел? Э-э, война началась? Аль, что?

Она уперлась ладонями в плечи Тахара, отодвинулась, уставилась на него странно блестящими глазами:

— Ты хочешь жениться?

Маг опешил, несколько раз открыл и закрыл рот. Затравленно оглядел темный сад.

— Аль, я тебя люблю, конечно, но не так, чтобы жениться!

Алера вывернулась, зачем-то тоже оглядела сад. Не менее затравленно.

— Ты что, жабьих спинок объелся?

Тахар несколько вздохов смотрел на Алери, потом на небо, потом потер лоб, подхватил подругу под руку и открыл дверь.

— Заходи в дом. Я тебе отвара налью, а ты расскажешь, что тебя покусало.

В доме еще держался стойкий запах сегодняшних бедней над котелком. После вечернего двора, где пахло летними сумерками и петунией, дух жабьих спинок был невыносимо гадок.

Тахар поморщился, настежь отворил окно, завозился в поисках кружек — как будто Алера сможет что-то пить, когда голова чуть не лопается!

Искал он во всех местах сразу, и девушке казалось, что длиннющие конечности мага сей вздох завяжутся причудливым узлом, и друг поскакет дальше по комнате пауком, хлопая ореховыми глазами и продолжая заглядывать на все полки одновременно.

Алера принялась сбивчиво озвучивать дедовские соображения, перемежая их собственными мыслями и честно стараясь не сбиваться на панические всхлипы.

Тахару пришлось довольно долго успокаивать по-другу, убеждая, что никто силой эльфов в Эллор не заберет, а не силой они сами с места не тронутся. И что Миры у них никто не отнимает, и что не выются вокруг друзей никакие хищные девицы. На самом-то деле Тахар вовсе не был уверен в равнодушии Элля и Раня к очарованию эллорских эльфиек, но Алере этого говорить, понятное дело, не стал. Разнесет еще чего-нибудь от расстройства, она это может. На самом-то деле, думал Тахар, ну какая разница — женатым в Миры ходить или нет?

Только вот почему-то женатые не ходили. Никогда.

Алера, кажется, немного успокоилась — во всяком случае, больше не выглядела так, словно вокруг нее вдруг рухнуло все, что до сей поры стояло недвижимо. Она

по своему обыкновению сидела на волчьей шкуре у камина, скрестив ноги и опершись спиной на сундук. Эта шкура была, кажется, девятой: Алера в задумчивости неизменно трепала волчьи уши, а потом, когда там шерсть кончалась — сопредельные шкурные части. Когда сквозь проплешины начинали просвечивать доски пола, Тахар отправлял истерзанное несчастье в помойку и притаскивал от скорняка новую шкуру. Зоркие соседи одно время подшучивали насчет подкаминной возни, от которой мог так истираться мех, в ответ получали посып под лошадиный хвост и в конце концов умаялись состязаться в остроумии. Элай же говорил, что очередную истрапанную шкуру нужно просто выбросить, и пусть Алера взамен треплет за уши Раня, но шкура у камина лежала всегда, еще при родителях Тахара, и совсем ее выбросить было все равно что сделать вид, будто перестал помнить отца и мать.

— В общем, не переживай ты, — закончил Тахар и зачем-то поворотил золу в камине. — Если что-то и начнет меняться, то так, слегка, не больше, чем всегда. Когда что-то становится другим — это нормально.

— До сих пор мне так говорили, только когда вручали новые обязанности. — Алера щипала шерсть на левом ухе волка. — Да. Обязанности, ответственность и спрос, как с больших. Я что, я согласна, я ж не говорю, что мы дети до сих пор или что-нибудь такое. Но чтобы друзей терять при этом — нет, ты знаешь, ко бдыщевой матери вот это!

— Не блажи, — проворчал маг. — Куда мы денемся? Орим на тебя страха нагнал, прямо как на маленькую, в самом-то деле.

Алера помолчала и неохотно призналась:

— Я и до этого что-то чуяла. Будто зреет нечто, понимаешь, словно я сижу в доме, а с улицы гул несется, а мне изнутри непонятно — то ли гроза идет, то ли едет кто. А может, это сотрясение земли началось и все рухнет вот прямо сей вздох на голову.

Тахар пожал плечами.

— Если эти эльфы мне попробуют остаться в Эллоре, — мрачно закончила Алера, — я их просто утоплю в колодце.

— Это ты хорошо придумала, — невозмутимо согласился маг. — Друзья, утопленные в колодцах, не теряются. Ты всегда знаешь, где их можно найти.

* * *

В ночную вылазку Тахар Алере все-таки выманил. Потчи не кривя душой, утверждал, что ей нужно отвлечься от мрачных дум и развеяться на свежем воздухе — и вот же какая удача, сегодня они смогут заодно попытаться поймать бегунчик!

Об этом растении маг прочитал пару лет назад в одной книжице, большей частью состоящей из засаленных, потертых и вырванных страниц, но то, что удалось извлечь из читаемой части, подарило магу знания редкой ценности, и книжицу Тахар считал одной из самых удачных своих находок.

На бегунчик охотились сегодня, наверное, в сотый раз, а в предыдущие девяносто девять всегда уходили с полей ни с чем, если не считать за приобретение расцарапанные ноги.

Омерзительное подземное растение, обладавшее редкими кровоочистительными свойствами, выпускало усики наружу две ночи подряд по несколько раз в году, в теплую пору. Усики были необычайно чувствительные и, учувя шаги, тут же ныряли обратно под землю. Та самая книга утверждала, что самый надежный способ изловить бегунчик — просто стоять и ждать, пока усик вылезет рядом с ногой травника, что рано или поздно должно случиться.

Может быть, так и ловили это растение степенные седовласые лекари. Но когда тебе семнадцать лет, то стоять среди поля в терпеливом ожидании совершенно невозможно, даже если ты — очень серьезный маг по имени Тахар, самый терпеливый среди всех своих друзей.

Носиться и красться за показавшимися на поверхности усиками — куда веселее.

— Ну что, — спросила Алера, — как обычно: не догоним — хоть согреемся?

Они стояли на краю луга, где бегунчик вылезал исправно каждую ночь в положенное время. Маг привычно сутулился, Алера чуть покачивалась из стороны в сторону, щурясь в темноту, растущая луна взирала на них равнодушно-снисходительно.

Оставалось лишь ждать, когда тонкие светло-зеленые побеги вылезут из-под земли, застынут, напрягшись, подрагивая, взахлеб хватая сладкий ночной воздух. А потом — подкрасться поближе, прыгнуть, упасть пузом на земль и схватить пустоту в том месте, где вздох назад струной покачивался побег. А потом придет середина ночи и бегунчик вновь спрячется до поры.

Друзья неторопливо шагали по лугу, оглядываясь в поисках первых усиков вредного растения.

— А ты веришь, что мы когда-нибудь его поймаем? — спросила Алера и пнула комок земли. Тот пролетел пару шагов, раскинув лапки, тяжело шмякнулся оземь и с обиженным кваканьем упрыгал в темноту.

— Ой, — смутилась Алера. — Я не нарочно.

— Бегунчик мы рано или поздно поймаем, — уверенно ответил Тахар. — Может, не теперь, а через пятьдесят лет, когда перестанем носиться по полям, а станем выползать в них по ночам, опираясь на клюки. А с лягухами ты понежнее, Аль. Вдруг какая-то из них возьмет, да и обернется заколдованным красавцем?

— Ты все-таки переех жабьих спинок, — покачала головой Алера.

— Да нет, это байка. Известная среди магов байка про прекрасную магичку и зачарованного молодца, мне родители в детстве рассказывали.

— Давай ее сюда, — решила Алера, взглянув в тень: мелькнул там побег или показалось?

— Ну, дело было так, — охотно начал Тахар. — Одна очень молодая и талантливая магичка вскоре после окончания Школы вернулась в родные места к папеньке...

Побег под бревном в самом деле был. Алера стала подкрадываться, стараясь ступать как можно тише — а для бегунчика, наверное, звучало так, словно это не девушка в мягких башмаках крадется, а лошадь по брускатке скачет. Побег скрылся еще до того, как она приблизилась на пять шагов.

— А отец ей и говорит: ты, мол, шесть лет непонятно где шаталась, внуков мне не родила, дело передавать некому, так что замуж тебе надо срочно, раз сама не хочешь семейным делом заниматься.

— А магичка что?

— А магичка как раз на предсказателя выучилась. Ну и, значит, дунула, плюнула: в какую, дескать, сторону мне надо отправиться, чтоб найти свою судьбу? Взяла коня да поехала туда, куда стрелка указала. Ехала, значит, магичка, ехала... ехала...

Лунный свет ярко осветил луг, и маг заприметил побег в двадцати шагах, рванул к нему, пригибаясь, словно от этого движения были тише. Усиk, словно издеваясь, дождался, пока маг подберется близко-близко, протянет руку и уже почти издаст победный вопль — и высокользнул из-под сомкнувшихся пальцев.

— Да чтоб тебя бдыщевый папа сожрал! — пожелал Тахар, поднимаясь и отряхиваясь. Пришло еще ведь в голову отправиться на охоту в приличной рубашке — чем он думал вообще?

— Так куда магичка приехала? — Алера дернула его за рукав.

— А на болота, — ответил Тахар раздраженно-зловещим шепотом. — Мрачное место, гиблое. Вокруг темный лес, над трясиной зеленый туман, птичка не чирикнет, ветерок не дунет, только ветки под лошадиными копытами — хрусь, хрусь!

Под ногой Алеры как раз что-то хрустнуло, и она схватила Тахара за руку. На ночном лугу вдруг стало неуютно.

— И что потом? — тоже шепотом спросила она.

— Из трясины выползли багники! — рявкнул Тахар, хватая подругу за плечи. — И сожрали магичку! Разорвали тело белое, высосали кровь молодую! И коня сожрали, ни косточки не осталось! Вот тут и закончилась сказочка!

— Taxa-ap!

— Ну ладно, ладно. Прямо к магичке на седло запрыгнул лягушонок. И давай человеческим голосом страдать на все лады: дескать, никакой он не лягух, а заколдованный молодец из обнищавшего знатного рода. Папенька его проигрался в кости подчистую, влез в долги, заложил родовой замок — ну а когда с ростовщиками не рассчитался, те на ведьму скинулись. Ведьма сынка его и заколдовала в лягушку.

— В денежную? Чтоб искала оброненные монетки и долг выплачивала?

— Не, — мотнул головой Тахар. — В обычную болотную лягушку, чтоб слух разошелся среди других должников, и чтоб им неповадно было тянуть с платежами.

— И лягушонок хотел, чтоб магичка его расколдовала?

— Точно.

— А она знала, как?

— Ведьма обещала лягушонку, что заклятье спадет, если встретится ему женщина, и если она захочет, чтобы лягух перекинулся обратно в человека и стал ей мужем. Тогда женщина должна будет поцеловать лягушонка в хладный ротик, а тот сей вздох перекинется обратно в доброго молодца.

— И магичка его поцеловала? И жили они долго и счастливо?

Тахар поскреб макушку.

— Аль, вот ты представь: едешь по болоту, на тебя выпрыгивает незнакомая лягуха и говорит, что она — заколдованный наследник обнищавшего рода и что стоит тебе его поцеловать, как он расколдуется обратно и женится на тебе. И ты сможешь остаток жизни натирать щелоком его обнищавший герб, рожать ему детей и пищать от восторга.

— Я бы выкинула этого лягуха подальше в болото, — решила Алера.

— Ну и магичка выкинула. После чего вернулась к папеньке, засучила рукава и взялась вместе с ним управлять плантацией. И прорицательский дар ей кстати пришелся: засуху предсказывать или рост цен на репу. И жила она долго и счастливо.

Алера обернулась назад, проверяя, не прыгает ли следом лягух и не предлагает ли лобзать его в осклизлую пасть.

— А на других должников-то этот случай подействовал?

— Конечно нет. Какой идиот поверит в такое?

— И правда, никакой. Ах ты!

Побег вылез из-под земли в каких-то трех шагах от Алеры, она, недолго думая, прыгнула, рухнула пузом на землю и зашипела от боли.

— Аль, а ты не хочешь рассказать Хобуру про свое приключение с Верреном? — спросил вдруг Тахар.

— Не хочу, — сухо бросила она после короткой паузы.

— А стоило бы. Односельчане в разбойничью шайку сбились, по большому-то счету. Об этом нужно рассказать голове, разве нет? Ну и вообще, ты у нас пострадавшей стороной тут получилась…

— Пострадавшая сторона им глотки перерезала, — отмахнулась Алера. — После этого я же пойду жаловаться? Брось. Да и я не маленькая, чтобы бегать к Хобуру плакаться, сама разобралась, и говорить тут больше не про что.

— Добро, а как насчет других, тех, кто глотки им перерезать не смог? Думаешь, Веррен с дружками в первый

раз на такой промысел вышли? Ха! Да чтобы так обнаглеть и на тебя замахнуться, они должны были обнести всех тутошних подлетков!

— Ну вот подлетки пусть бегут и жалуются, — отрезала Алера.

И подумала, что никто никуда не побежит. Вот Рань даже друзьям ничего говорить не стал, а сама она и подавно про эльфа умолчала, когда рассказывала Тахару о произошедшем.

Было такое неписаное правило: не ныть о неудачах в Мирах. Ну и правильно.

— Так что, Аль, может, подумаешь об этом деле чуть дальше собственных хотелок, а? Озабочишься мыслями о других, не таких обученных и упретых, как ты, попытавшись представить, каково им-то приходится, когда на них наседают, а они не могут дать отпор? Проявишь внимание, в кои-то веки поможешь другим по мере сил своих...

— Вот будет мне еще говорить про это маг, который учится сам, а не в Школе, — сердито перебила его Алера. — Все, не блажи, не буду ничего слушать!

Тахар пожал плечами, посмотрел на луну.

— По-моему, время вышло.

— А? Значит, все как обычно. Не догнали, согрелись, испачкались. Все как положено.

Тахар склонил голову, изучая полосы грязи на щеках Алеры, пятна на ее рубашке, выбившиеся из косы черные пряди, отливающие серебристым в свете луны. Алера упорно закрепляла волосы страшным приспособлением: полосой дубленой кожи с отверстиями и толстой деревянной шпилькой. Элай всегда ворчал, что однажды

Алера насквозь проткнет себе голову этой жуткой деревяшкой, и пусть тогда она знает, что он печалиться не станет. Сам Элай, да и Рань тоже, использовали обычные лоскуты мягкой кожи, чтобы стянуть длинные волосы в хвост.

Не иначе, эту страшную штуку со шпилькой притащила Шисенна — молодая эльфийка, которой Алера приплачивала за помощь по дому, когда самой не хотелось лепить пирожки или доить козу — то есть почти всегда. Беготня по Мирам приносила достаточно денег, чтобы променять ее на нудную домашнюю работу, да еще кое-что откладывать. Шисенна была чуть старше Алеры и куда домовитей, потому по-своему опекала ее на правах старшей подруги, открывала всякие маленькие женские секретики и пару раз даже пыталась привести Алеру в «состояние, пристойное юной красивой девушке». Тогда дом наполнялся запахом ароматной воды, перестуком скляночек, цветными лентами и прочими милыми вещицами. Итог усилий Шисенны действительно был достоин всяческих похвал, но в «состоянии, пристойном...» можно было только недвижимо сидеть у окошка, потому надолго в нем Алера не задерживалась. Шисенна в конце концов махнула рукой и рассудительно отказалась от попыток «придать этому чудищу вид нормальной женщины».

Алера не возражала. Ей было приятно, что с ней возятся, она с любопытством перенимала всякие мелкие женские ухищрения, но весело признавала, что она — чудище.

— А сегодня я — свинья, — решила Алера после нескольких безуспешных попыток отряхнуть рубашку — грязь въелась намертво.

— Вот чудесная история, которая останется в моей памяти, — заявил Тахар, когда они уже шли по родной улице. — Как мы с прекрасной юной девой провели едва ли не полночи на лугу, валяясь на залитой лунным светом траве, когда наши тела обдувал теплый летний ветер...

Алера расхохоталась.

— Да я что, — Тахар скромно потупился. — Я так, шучу немножко. Вот эльфы вернутся — Элай тебе таких кренделей навешает на уши — это да, и это совсем другое дело будет!

— Элай славный, — помолчав, ответила Алера. — Только колючий... очень.

— Ты что, всерьез это говоришь мне? — удивился Тахар. — Ты скажи лучше, Аль, тебя можно сдать Ориму в таком виде? А то подумает еще... невесть что.

Алера отмахнулась:

— Иди уже домой, спаситель моей чести, проветри-вай свой дом от жабых спинок. С утра сборище у рудника, помнишь? Не проспи.

— Так вы за мной зайдете, правда? — зевнул Тахар, чмокнул подругу в щеку и, не дожидаясь ответа, исчез в темноте.

— Ну, теперь, конечно, да, — ответила ему вслед Алера, откинула привычно скрипнувший засов калитки и пошла к дому, где уже не светилось ни одного окошка.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	41
Глава 3	63
Глава 4	87
Глава 5	121
Глава 6	135
Глава 7	153
Глава 8	175
Глава 9	204
Глава 10	233
Глава 11	255
Глава 12	278
Глава 13	294
Глава 14	306
Глава 15	336
Глава 16	362
Глава 17	383
Глава 18	403
Эпилог	428

Ирина Лазаренко

**НЕВЫНОСИМЫЕ.
ДО ПОРОГА ЧУЖИХ МИРОВ**

Ответственный редактор И. Эльтеррус

Редактор Е. Калениченко

Корректор А. Берестовская

Компьютерная верстка Е. Климентьева

Подписано в печать 01.03.2019

Формат 84 × 108/32. Печ.л. 13,5

Бумага писчая. Гарнитура «GaramondNarrow»

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ №

ИД «Флюид ФриФлай»

109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, кор. 2

тел. +7 (985) 8000 366

fluidfreefly.ru

e-mail: info@fluidfreefly.ru

fiction@fluidfreefly.ru

Интернет-магазин: gorodets.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1,

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. +7 (499) 270-73-59

Ирина Лазаренко — романист, новеллист, основные жанры — социальная фантастика и фэнтези в классическом стиле. По образованию экономист. Номинант премии «Бегущая по волнам». Дипломант Первого альтернативного международного конкурса «Новое имя в фантастике» за роман «Неизлечимые. Магия дружбы».

Появление магистра магии в деревне стоило жизни одному из четырех друзей. Оставшимся пришлось забыть о привычных стычках за право жить, как хочется, и уйти в долгий поход, в надежде понять, что и почему произошло на самом деле. Трем друзьям довелось пройти по краю, полному добрых и злых духов, собственной и чужой магии, зубастой нечисти, людей и нелюдей. Иногда это было весело, иногда — непонятно, а еще — страшно и смертельно опасно без всяких «почти». Но вместе с ответом они нашли новые вопросы и даже частицу самих себя. И никто не предупредил, что будет именно так. Но ведь тем интереснее...

издательский дом
ФЛЮИД
FreeFly

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-906827-76-0

9 785906 827760